

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Макса Маха
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

**ДАМА ПИК
АЛЬВ**

Макс МАХ

АЛЬВ

Роман

Москва, 2019
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
МЗ6

Серия основана в 2004 году
Выпуск 702

Художник
И. Воронин

Мах М.
МЗ6 Альв: Фантастический роман. — М.: «Издательство
АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2949-3

Столоначальник Особого бюро Сыскного приказа Яков Свев расследует таинственное дело о смерти группы лиц вследствие несчастного случая. Однако одна из пяти погибших — юная красавица с черными волосами и синими глазами — неожиданно оказывается жива. Альв Ринхольф, как она себя назвала, одета по моде восемнадцатого века, а ее украшения стоят целое состояние, и она ничего не помнит ни о себе, ни о своей жизни, ни откуда она родом, ни о том, как она попала на заснеженную поляну в лесу. Однако дознаватель Свев по случаю знает, откуда она пришла, хотя и не понимает, что она такое или кто. Человек ли Альв? Опасна ли она для окружающих и опасны ли окружающие для нее? Поиск ответов на эти вопросы уведет Якова и Альв в другой мир, туда, где действует магия и где герои древних легенд живут среди обычных людей. Приключения начинаются.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Макс Мах, 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2949-3

Глава 1 НАЙДЕНЬШ

Пятница, десятое марта 1933 года

Яков вставал рано. Просыпался сам, без будильника, ровно в пять. И уже через десять минут — одеться, умыться, почистить зубы — выходил на маршрут. От озера Щучьего до Бора по лесной дороге чуть больше пяти километров. Туда и обратно — час, и еще час на заплыв: от Свевской заимки до усадьбы Норнов по прямой, и «в обход» — вдоль противоположного берега — домой. Но сейчас, в марте, пока лед с озера еще не сошел, Яков бегал до Кабоны, а это на круг километров пятнадцать, хотя без заплыва все равно не то же самое.

По старой армейской привычке бегал он в егерских штанах и рубашке, вылинявших и потерявших первоначальную маскировочную окраску. Такая одежда была ему куда привычнее спортивного костюма, точно так же, как и тяжелые берцы — предпочтительнее беговых туфель. Страшно сказать, но во время утренней пробежки Якову часто физически не хватало вещмешка за плечами, скатки, карабина и прочего армейского добра. Он просто никак не мог привыкнуть бежать налегке, вот в чем дело. Об этом он, собственно, и думал этим утром, пока принимал душ и готовил завтрак. Не о забеге с полной выкладкой, разумеется, а о силе привычек, из которых, похоже, и складывается то, что философы называют личностью или персонификацией субъекта.

Телефон зазвонил без четверти восемь, когда, раздевшись с овсянкой, отварными яйцами и приличным куском копченого сома, Яков налил себе первый стакан чая. Обычно ему не звонили в такую рань. А если и звонили, то крайне редко. Неотложных дел, требующих личного присутствия дознавателя его ранга, набирается на круг не так уж много. Большинство расследований, которыми Яков занимался лично сам, никакой спешки не предполагали. Тем более не располагали к поспешности дела, находившиеся в сфере его надзорных полномочий.

— Свев на проводе, — сказал Яков в трубку.

— Ваше превосходительство, Яков Ильич, извините за беспокойство! Это адъюнкт Суржин беспокоит!

— Как я понимаю, случилось нечто из ряда вон?

И в самом деле: Иван Суржин даже не дознаватель, а помощник дознавателя, то есть чиновник 13-го класса. Ему выходить прямо на чиновника 6-го класса не по чину. Это как в армии: где тот подпоручик и где — полковник! И тем не менее Суржин хоть и молод, но отнюдь не глуп. И притом не робкого десятка, потому как взял на себя смелость, совершил акт гражданского мужества: снял трубку с аппарата и попросил барышню соединить. Так что, похоже, случился армагеддон. Не тот, разумеется, которым кончится все вообще, а наш обыденный, местного разлива апокалипсис по кличке «писец».

— Так точно, Яков Ильич! — на военный лад отрапортовал адъюнкт. — Случилось! Но по телефону никак нельзя!

— То есть, — уточнил Яков, — требуется присутствие кого-то из старших оперативных работников. Я правильно понял?

— Так точно! Требуется. Немедленно! Лично вы!

«Даже так? — удивился Яков. — Что же там могло приключиться, что Суржину пришлось телефонировать Самому?»

— Куда? — спросил он.

Получалось, что надо ехать, потому что всегда лучше перестраховаться. Может быть, Ваня Суржин чего-то не понял по молодости лет да простительной неопытности. Психанул, не разобравшись: типа у страха глаза велики... А что, если все-таки не ошибся и это то самое «оно», которое может как вознести, так и уронить низко и больно?

— В Академию. К парковым воротам.

«Серьезно?! Академия? Немедленно? Что же там у них приключилось, у академиков долбанных?!»

Шлиссельбургская академия — один из лучших университетов Европы: уважаемый, пользующийся положенной ему по статусу автономией. Конечно, и там случаются преступления. Но обычно — ничего такого, с чем не справились бы господа полицейские чины. Однако Суржин не в городское полицейское управление позвонил и не в прокуратуру. Он с ходу телефонировал прямо Свеву — столоначальнику Особого бюро Сыскного приказа.

«Лихие дела! Надо ехать немедленно, но Академия-то на другом берегу Невы!»

— Ну, раз немедленно, тогда присылай вертолет! — озвучил свою мысль Яков. — Иначе не получится. На колесах часа два возьмет. И это еще если по утреннему делу в пробку не въеду.

— Уже выслал, ваш превосходительство!

— Силен! — усмехнулся Яков. — Портки-то натянуть успею?

Разумеется, это было художественным преувеличением. Обычно Яков не садился за стол, не приведя себя предварительно в порядок. Так что на нем сейчас были надеты не только брюки, но и весь костюм-тройка, и белая сорочка с галстуком, и зимние штиблеты на толстой подошве в комплекте.

— Успеете! — обнадежил Суржин. — По моим расчетам, вертолет будет у вас в восемь двадцать.

— Тогда до встречи! — закончил разговор Яков и вернулся к прерванному чаепитию.

Он даже не пробовал угадать, что бы это могло быть, поскольку любое из обычных дел, находившихся в ведении убойного стола, можно без опаски обсуждать по телефону. В пределах разумного, конечно, но все-таки можно. Не контрразведка, чай, и не политический сыск.

«Будет весело! — констатировал Яков, закуривая первую утреннюю папиросу. — Тот еще геморрой, наверное! Но что выросло, то выросло. Так что посмотрим, поглядим...»

Он допил чай, прошел в кабинет, отпер сейф и достал оттуда автоматический пистолет «Кульбак-Экселенс» в наплечной кобуре. Обычно он ходил на службу без оружия — не оперативник все-таки, — но звонок Суржина форменным образом выбил его из колеи. Яков снял пиджак, нацепил «сбрую» и уже при оружии пошел снаряжаться в дорогу: пальто из английского шерстяного сукна, черно-белое шелковое кашне и фетровая шляпа, кожаные перчатки, серебряная фляжка с коньяком и две сигары на случай, если придется долго ходить по открытой местности. Курить папиросы на ладожском ветру — удовольствие ниже среднего, а подымить, судя по всему, придется, и немало.

Пока собирался, все же нет-нет да и давал слабину, начиная гадать о том, что же *такое* могло приключиться в парке Академии, а что это именно парк, а не кампус — и к гадалке не ходи: зачем бы иначе назначать randevu у парковых ворот? Но если это парк, то возможны варианты. Проблема в том, что, начинаясь как благоустроенный университетский парк с красивой набережной, широкими аллеями, освещаемыми по ночам электрическими лампами, подстриженными «аглицкими» газонами и прочим всем, парк этот густел к северу и незаметно превращался в настоящий лес. Ухоженный, без бурелома, болот и прочих марей, характерных для северных чащоб. Не

тайга, одним словом, но все-таки лес. А в лесу всякое бывает. Встречаются там и хищники, и не только те, что бегают на четырех лапах.

— Это там, за деревьями! — указал направление Суржин, голос у адьюнкта при этом ощутимо дрогнул.

— Там? — Можно было не переспрашивать, и так все ясно. Однако напряжение, разлитое в холодном знобком воздухе, передалось и Якову. Что поделаешь, он ведь тоже не железный.

Геликоптер сел прямо на выстеленную гранитными плитами площадь перед Юридической школой, которую, к слову, заканчивал в свое время и сам Яков. Оттуда до парковых ворот — рукой подать, а вот по парку пришлось прогуляться. Преступление, о котором Суржин по-прежнему не хотел ничего говорить: — «Вы это, Яков Ильич, сами должны увидеть!» — произошло, как Яков и предполагал, где-то в лесном массиве. Сначала шли быстро, благо за несколько прошедших солнечных дней аллеи и дорожки в парке успели просохнуть. Потом пришлось свернуть на тропинку, по обеим сторонам от которой под деревьями по-прежнему лежал снег. Здесь было сыро и грязно, однако вскоре тропинка кончилась, и пришлось идти по истоптанной полицейскими целине — грязному месиву мокрой земли и подтаявшего снега.

— Это там, за деревьями!

— Там?

Яков прошел по следам между деревьями и вышел на поляну. Небо в этот день было ясное, солнце уже встало, так что картина получилась весьма живописная. Поляну все еще покрывал снег. Кое-где на нем остались следы тех, кто подходил к телам, но в целом, если не считать двух дорожек копоты, снег был не тронут. Ну и сами тела. Их было четверо: три женщины, одетые в какие-то замысловатые, окрашенные в яркие цвета платья, и мужчина в костюме бутылочного цвета.

— Место глухое, — констатировал Яков, осмотрев поляну. У него пока не было никаких идей по поводу того, что здесь произошло. Он и тела-то еще в подробностях не рассмотрел. Но впечатление такое, что здесь что-то рвануло и этих четверых просто расшвыряло взрывной волной. Однако вот в чем загвоздка: кроме небольшой проплешины в центре поляны, откуда и должна была, по идее, распространяться ударная волна, и двух исходящих оттуда же полос копоти — черное на белом, — никаких других следов взрыва не наблюдалось. Яков как человек, активно поучаствовавший в трех войнах, такое не пропустил бы. Да и крови, которая должна была отчетливо виднеться на снегу, не было и в помине.

«Чем же таким их приложило?»

— Кто их обнаружил? — спросил он младшего коллегу. — Когда и с какой стати?

— Обнаружил их полицейский патруль, — объяснил Суржин. — Проходили ночью по аллее, тут и громыкнуло.

— Громыкнуло? — переспросил Яков. — То есть был взрыв?

— Полицейские говорят — больше похоже на гром. И еще вроде молния ударила. Вот они направление и засекли. Сначала в потемках нашли только одно тело. Вон ту девушку, — указал рукой адъютант на лежавшую неподалеку пшеничную блондинку. — Темно было, остальных не увидели. Один полицейский остался сторожить, другой побежал за подмогой. Пока суд да дело — рассвело. Как раз офицер прибыл, но он как такое увидел, сразу же бросился звонить нам, а я как раз только что с дежурства сменился...

— Ладно, с этим понятно. Ты к ним подходил?

— Подходил. До меня, правда, уже натоптали немного, но, судя по всему, других следов там не было. Снег, по моим наблюдениям, был не тронут. Полицейские тоже клянутся...

— Что увидел? — Яков осматривать тела не спешил, еще успеется. Выяснял подробности, проводил рекогносцировку: медленно — градус за градусом — осматривал место преступления; если, конечно, поляна в мартовском лесу была именно местом преступления.

— Все молодые, — начал отчитываться адъютант. — Возраст, на мой взгляд, от двадцати до двадцати пяти лет, но никак не больше. Впрочем, и не меньше. Все лежат на спине, раскинув руки, словно их отбросило взрывной волной. Видимых повреждений на телах и одежде нет. Нет ран. Нет крови. Одеты странно. Не по-нашему, но и на иностранцев не похожи. Может быть, с маскарада пришли? Но тогда непонятно, почему без пальто и как они смогли пройти, не потревожив наст. Снега уже который день не было... Вот, собственно, и все. Да, вот еще что: у женщин на пальцах кольца недешевые, серьги с камешками в ушах, золотые браслеты... У мужчины — трость с серебряной инкрустацией и набалдашником из слоновой кости, золотой перстень, заколка... Я что хочу сказать: это не ограбление.

«От контузии они погибли, что ли? Но что за взрыв? Где следы? И как, во имя всех святых, они сюда попали? С неба упали разве что... Сброшены с воздушного судна?»

— Ну что ж, — вздохнул Яков, — ты правильно сделал, что меня вызвал. Чувствую, заимели мы с этим делом гемморой. Ну да ладно — что сделано, то сделано! Зато скучно не будет. Как думаешь?

— Думаю, дело непростое, — согласился Суржин, — хотя и непонятно, имело ли здесь место преступление.

— А ты молодец, Иван Игнатьевич! — кивнул Яков. — Правильно мыслишь! Преступление или нет, это мы еще поглядим, но случай, по-любому, нерядовой. Ладно! Ты здесь побудь, а я пойду посмотрю, что там да как. И скажи полицейским, пусть не болтают! Если надо — пугни политическим сыском!

Отдав «ценные указания», Яков пошел смотреть. Начал он с мужчины. Действительно молодой, светловолосый. Шапки нет. Волосы — светло-русые — растрепаны. Черты лица правильные. В левом ухе золотая серьга с крупным красным камнем.

«Красавчик!»

Одет странно. Во-первых, не по сезону. Во-вторых, не по-себерски: слишком ярко, да и стиль одежды вызывает вопросы. И, в-третьих... В-третьих, и в самом деле, мужчина этот словно с бала-маскарада пришел: длиннополый камзол; сорочка с кружевным жабо и манжетами — при ней золотая заколка с камеей из черного оникса и такие же запонки; бриджи и сапоги... Ну черт его знает, что это за стиль. Может быть, вообще фантазия на какую-то высосанную из пальца тему. Но походило все это, насколько Яков помнил уроки истории, скорее на восемнадцатый век, чем на двадцатый. Бутылочного цвета ткань, серебряное шитье...

«Н-да... Красиво жить не запретишь! Надо бы Трутю спросить, она в таких вещах разбирается...»

На правой руке у мужчины золотой перстень с черным камнем. Черный алмаз? На левой — золотое кольцо, но, по-видимому, не обручальное. Не тот палец.

И, разумеется, мужчина мертв. Ни крови, ни видимых травм, но тем не менее несомненный труп.

«Чем же тебя, парень, угробили?» — но это был риторический вопрос, поскольку мертвое тело если и ответит, то уж точно не премьер-дознавателю Якову Ильичу Сведу, а кому-то из патологоанатомов Сыскного приказа. Как-то так.

От мужчины — двигаясь по широкой дуге справа налево — Яков перешел к первой из трех женщин. Подошел, посмотрел и даже крикнул мысленно с досады. Удивительная красавица. Вот такое первое впечатление. И при детальном рассмотрении мнение Якова тоже не изменилось — красавица! Но мертвая красавица, вот в чем дело.

Якову это не понравилось, он предпочитал любоваться живыми девушками.

«Тэк-с... — присел он рядом с женщиной. — Ткань...»

Вероятно, это был шелк, но не однотонный, а со сложным рисунком. Голубое платье с темно-синим и фиолетовым рисунком, золотое шитье, кружева. Открытый корсаж... Ну очень открытый, если понимать, о чем идет речь.

«Красивая грудь, — мимолетно отметил Яков. — Тонкая талия... Плоский живот».

Он осторожно коснулся платья чуть ниже линии груди и не удивился, обнаружив, что под плотной тканью прощупывается твердый корсет.

«Китовый ус? Весьма убедительно...» — Ему захотелось приподнять подол и посмотреть, поддета ли под платье отделанная кружевом батистовая рубашка, но он постеснялся делать это при свидетелях. А жаль. Чем дольше он рассматривал это платье, тем более уверялся в мысли, что никакой это не маскарадный костюм. Во всяком случае, если и маскарадный, то искать его хозяйку следовало в высшем обществе. Это ведь недешевое удовольствие — сшить настолько аутентичное платье восемнадцатого века. А у женщины к тому же и туфли соответствующие имелись, и темно-синие шелковые чулки...

«И бриллианты нерядовые!»

Яков взял тонкую кисть и немного приподнял, чтобы рассмотреть изумительной красоты витое кольцо красного золота, и в этот момент шевельнулись «мертвые» пальцы. И это было «живое», недвусмысленное движение: женщина шевельнула пальцами, словно хотела что-то схватить или удержать.

«Святые угодники!» От такого приключения у кого другого мог случиться сердечный приступ или что похуже. Однако Яков в своей жизни много чего повидал, заставить его врасплох, и тем более испугать, было совсем не просто. Оставив руку девушки, он стремительно прижал

пальцы к ее шее. Пульс был слабый, но ровный. И главное — он был.

— Иван Игнатьевич! — крикнул он, распрямляя ноги. — Срочно вызывайте карету «скорой помощи»! Немедленно! — добавил он, расстегивая пуговицы пальто. — И организуйте какое-нибудь помещение... Там киоск, кажется, есть, ближе к набережной... Там! — махнул он рукой.

Суржин и полицейские посмотрели на Якова так, точно спрашивали, в своем ли он уме, но спорить не стали — субординация! — и кинулись едва ли не опрометью исполнять приказ. А Яков между тем снял наконец с себя пальто, бросил на снег, перенес на него женщину, закутал ее в плотную шерстяную ткань и, подхватив на руки, быстро пошел по направлению к крошечному буфету, расположенному в начале диагональной аллеи и не работавшему уже пару недель по случаю весенней распутицы. Зимой там, насколько помнил Яков, продавали горячий чай и сбитень, бублики и пирожки, а летом — прохладительные напитки и сладости. Путь неблизкий, даже если идти, как шел Яков, напрямки. И задача не из простых: идти-то приходилось по пересеченной местности, да еще и с ношей на руках. Девушка оказалась не только стройной, но и невысокой. Некрупная, в общем, особа, но и в ней наверняка не меньше трех пудов «живого веса»...

«Живого!» — напомнил себе Яков и прибавил ходу.

Вообще-то он в свои сорок пять на здоровье и отсутствие физической силы не жаловался. Крепкий от природы, тренированный, бывалый. Но одно дело нести на закорках раненого товарища, пусть даже тяжелого, как боров, Дугина, и совсем другое — «легонькую» фемину на вытянутых руках. В последний раз Яков носил на руках Варвару, да и то недалеко и недолго: от входной двери — до кровати в спальне на втором этаже. Правда, Варвара была куда крупнее завернутой в пальто девушки, и веса в ней было больше четырех пудов. Но и цель «переноски

тяжестей» была куда как приятнее. Все-таки нести женщину в постель, чтобы предаться половым излишествами, задача понятная и приятная во всех отношениях, не говоря уже о том, что предвкушение кипятит кровь и сводит с ума не хуже кокаина. Бежать же по мокрому снегу, петляя среди деревьев, да по холодку — это уже нечто совсем другое. Другая задача, другие эмоции, другое все.

Между тем женщина застонала и шевельнулась в руках Якова. Он опустил взгляд, и, как оказалось, вовремя. Красавица открыла глаза. Ну что сказать... Учитывая цвет волос, а девушка была брюнеткой, следовало ожидать, что и глаза у нее тоже темные. Однако на этот раз Яков не угадал, на него смотрели голубые глаза. Очень красивые и очень голубые.

— Не беспокойтесь! — сказал Яков первое, что пришло в голову, просто чтобы не молчать. — Сейчас приедет карета «скорой помощи», и мы отвезем вас в больницу. Я думаю, лучше всего в Третью градскую на Вознесенской улице...

Говорить на ходу было трудно, но взгляд голубых глаз не мог оставить Якова равнодушным. Он никого не оставил бы равнодушным, но Якова в особенности. Так уж сложилось, что все его женщины, сколько их ни было за достаточно долгую жизнь, были блондинками или шатенками, но идеалом красоты являлась для него жена его первого бригадного командира Вера Павловна Первенцева — брюнетка с синими глазами и овальным лицом. И, хотя ничего у них с Яковым не было, генерал Первенцев люто возненавидел подпоручика Свева. Видимо, почувствовал, что Яков смотрит на его молодую жену — «черную ирландку», как называли ее гарнизонные жены, — совсем не так, как другие офицеры. Вот из-за тех черных волос и синих глаз Яков и попал в полевую разведку 2-й егерской бригады. Но оно и к лучшему: того, чему Яков научился, участвуя в поисках в ближнем тылу противника, он бы нигде и ни за что не узнал. «Читать» местность,

реагировать «сразу вдруг», вести допрос и проникать на охраняемые объекты, вскрывать замки и выживать любой ценой... Все это пригодилось ему потом, позже, когда он поступил на службу в Сыскной приказ.

— Ну вот... — говорил он, чувствуя, что на этот раз проявил клятую самонадеянность: силы уходили куда быстрее, чем он думал. — Ну вот!.. Еще немного — и мы на месте. Еще...

Дышал он с хрипом, заполошно билось сердце, и мышцы рук начинало сводить судорогой.

— Не понимаю!.. Где я?.. — спросила девушка. — Что случилось?..

Голос у нее был слабый, едва слышный, но Яков вопросы понял и даже не удивился тому, что незнакомка говорит по-немецки, а не по-русски.

— Вы в Себерии, — ответил он, хотя, бог видит, мог сказать что-нибудь поумнее... — В Шлиссельбурге, в парке Академии...

— Чибэр? — Казалось, глаза девушки открылись еще шире. — Я в Тартаре?

— Да нет же... — выжал из себя Яков. — Тартария лежит далеко за Уральским хребтом. А вы в Себерии. Как вас зовут?

Вот этот последний вопрос оказался хорошей идеей, потому что девушка на него ответила:

— Альв Ринхольф... — прошептала она и вновь закрыла глаза.

— Одежду и украшения принять по описи! — распорядился Яков, когда Альв, если ее действительно так звали, увезли на осмотр. — Проследи, чтобы то же самое сделали с остальными телами. Все до последней мелочи. Сними показания с полицейских, заставь их подписать акт о неразглашении, напиши отчет и иди спать. Завтра в восемь встречаемся в моем кабинете, и запомни: ты нужен мне бодрый и с ясной головой! Все понял?

— Так точно! — Суржин держался молодцом, а Якову в любом случае нужен был толковый и неболтливый помощник. Так что судьба адъюнкта решилась самым неожиданным образом. Если сработает, как надо, получит звание дознавателя года на три раньше обычного. Это называется *случай*. Яков и сам в свое время взлетел быстро и высоко, оказавшись в нужное время в нужном месте, но главное — быстро и четко выполнив то, что другие сделать боялись или не могли. Яков не боялся. За ним такое с детства не водилось. И он мог: способностей более чем хватало. Соображал быстро и зачастую нестандартно, решал сразу, действовал без оглядки и, разумеется, только на результат. Оттого в свои сорок пять — премьер-дознаватель и столоначальник, а ведь за плечами остались еще и офицерское училище, университет, служба в армии и три войны. Вот многие и удивляются — не без зависти, как и следует, — когда это он успел сделать такую карьеру и как? Кто сукину сыну ворожит?

Отправив Суржина исполнять распоряжения, Яков прямо из больницы позвонил сестре.

— Здравствуй, Трута!

— И тебе не хворать! — хихикнула младшая сестра. — Случилось что или просто соскучился?

— Скучать некогда, — честно признался Яков. — Мне нужна твоя помощь, малыш.

— Помощь? — удивилась Трута. — Тебе? От меня? Мир воистину сошел с ума, Яша, если великий Свев просит о помощи! И кого?.. Впрочем, прости дуру! Ты же спешишь, наверное, как всегда. Так что давай излагай свою не терпящую отлагательств просьбу!

— Ты ведь дружна с Полиной Берг, я не ошибаюсь? — перешел к делу Яков.

— Зачем тебе понадобилась Полина? — удивилась сестра.

— Я нахожусь сейчас в Третьей градской больнице, и мне нужна протекция, — объяснил Яков.

— Ты ранен? — встревожилась Трута. — Заболел?

— Нет, Трута, я здоров! Болен кое-кто другой, и мне нужна помощь Полины.

— Речь о твоей женщине?

— Почти...

— Хорошо, — сжалилась Трута. — Я сейчас же ей позвоню. Свяжись со мной минут через двадцать.

— Спасибо, милая. Но это не все.

— Я заинтригована, — «улыбнулась» Трута.

— У вас на факультете есть кто-нибудь, кто занимается историей костюма?

— Час от часу не легче! Ты интересуешься историей костюма?

— Конкретно — восемнадцатым веком.

— Лукомский Гавриил Евлампиевич, — практически сразу ответила сестра. — Профессор Лукомский — специалист по истории европейского прикладного искусства восемнадцатого века. Если кто-нибудь и знает много об одежде восемнадцатого века, это он. Ты можешь сослаться на меня. Скажи, что ты мой брат.

— Спасибо, Трута!

— Да не за что! — откликнулась сестра. — Может быть, заскочишь завтра вечером на огонек? Петр давно спрашивает, чего ты глаз не кажешь.

Яков хотел ответить отказом, но неожиданно передумал. Час или два перед сном в компании Норнов показались ему хорошей идеей, хотя он и не знал еще, в чем ее хорошость. Однако своей интуиции Яков привык доверять.

— Часов в восемь не поздно? — спросил он, зная, что Норны поздно ложатся спать, тем более в субботу.

— В самый раз! Приходи! Петр грозился сотворить кулебяку в пять слоев и приготовить брусничный соус. Каково?

— Предвкушаю, — улыбнулся Яков. — Вино за мной. У меня как раз пара бутылок красного итальянского от-

ложена. Не помню, что за марка, но знаю, что вино хорошее.

— Вот и отлично! — обрадовалась Трута. — До встречи!

— Спасибо, доктор, что согласились поговорить!

Полина Берг оказалась гораздо моложе, чем запомнилось Якову. Она была на свадьбе у Труты, но тогда он не обратил на нее внимания. Вспомнил позже, и совсем по другому случаю. Она вышла замуж за командира 1-го пластунского полка Григория Берга, что и само по себе не рядовой факт биографии, но позже ее имя всплыло в связи с нападением на капитана 1-го ранга Браге, приходившуюся Бергу сестрой. Распутыванием той шпионской истории занимался премьер-дознаватель Ногин, и хотя его столоначалие — это контрразведка, Бюро-то одно и то же: так что Яков, который в то время находился на польском фронте, командуя разведкой механизированного корпуса, позже узнал о том деле много интересного. В своем кругу столоначальники не так строго соблюдают границы зон ответственности, как на глазах у подчиненных. Вот тогда, собственно, и выяснилось, что Полина и Трута давно и хорошо знакомы.

— Вы брат Труты, — улыбнулась Полина Берг. — Старший и любимый. Как я могла отказать?

— Еще раз спасибо, — кивнул Яков. — Расскажите мне, пожалуйста, о девушке. Она пришла в сознание?

— Да, сейчас она в сознании. — Полина достала пачку папирос и неторопливо закурила. — Я с ней говорила, расспрашивала, но она ничего не помнит. Совсем ничего!

— Что значит «совсем ничего не помнит»? — задал уточняющий вопрос Яков.

— У нее полная амнезия. Знаете, о чем речь?

— В каком смысле «полная»? — опешил Яков. — Она что, не помнит, что случилось и как они все попали в парк?

— Все гораздо хуже, — пыхнула дымом доктор Берг. — Это состояние называется диссоциированная амнезия. Вернее, диссоциативная fuga¹. Девушка не помнит не только того, что с ней случилось, когда и где. Она не помнит, ни как ее зовут, ни откуда она родом, вообще ничего, что связано с ее личностью.

— Даже имени? — спросил Яков, которому девушка, похоже, свое имя все-таки назвала.

— Даже имени.

— Что-то еще? — спросил тогда Яков.

— С ней говорил наш психиатр, — начала рассказывать Полина Берг. — Он учился и жил в немецких государствах и утверждает, что пациентка говорит на так называемом бавариш — диалекте немецкого языка, распространенном на границе Баварии и Штирии. Впрочем, иногда она переходит на южно-баварский диалект, на котором говорят в Швабии. Знает франкский. Но это я и сама вам могу сказать: она говорит на ланг д'ок — южно-франкском диалекте. Русского явно не знает. Польского и шведского тоже. Знает, как случайно выяснилось, латынь. Притом знает великолепно. Я подумала о классической гимназии, но древнегреческого она не знает. Познания в географии — отрывочные. Где находится Себерия, не знает, и вроде бы вообще не осведомлена о существовании Себерии, но вот о Баварском королевстве и о Франкии говорит со знанием дела. Об истории то ли не имеет представления, то ли не хочет говорить. Во всем остальном вполне здорова как с физической, так и с психологической точки зрения. Не истеричка. Сознание ясное. Адекватна, рассудительна, понимает свое положение, но

¹ Диссоциативная fuga — более тяжелое заболевание, чем диссоциированная амнезия. Больные диссоциативной fugой внезапно уезжают в другое место и там полностью забывают свою биографию и личные данные вплоть до имени. Иногда они берут себе новое имя и новую работу. Диссоциативная fuga длится от нескольких часов до нескольких месяцев, изредка дольше, после чего больные так же внезапно вспоминают свое прошлое. При этом они могут забыть все, что происходило во время fugи.

не склонна впадать в истерику, предполагая, что состояние со временем улучшится.

— А такое вообще бывает? — удивился Яков, видевший много разных проявлений психических расстройств, но про такую потерю памяти никогда прежде даже не слышавший. — Я не о выздоровлении, а о сочетании симптомов. Такое бывает?

— Все когда-нибудь случается впервые, — пожала плечами Полина.

— Сколько ей может быть лет? — спросил тогда Яков.

— На мой взгляд, двадцать два — двадцать три года... Хорошо сложена, — добавила Полина Берг через мгновение. — Физически здорова. Кожа чистая. Никаких приметных особенностей: ни шрамов, ни отметин. Нет даже родимых пятен. Ногти ухожены. Что-то еще?

«Что-то еще?.. О, много чего еще, госпожа Берг! Но, похоже, главное я уже понял».

— Скажите, Полина Андреевна: ей, вашей пациентке, нужна сейчас какая-нибудь медицинская помощь?

— В общем-то нет, — пожала плечами Полина Берг. — Она даже не простудилась, представьте, а ведь, со слов вашего помощника, пролежала без сознания несколько часов на снегу при температуре, близкой к нулю. Обморожений тоже нет. Другое дело — амнезия. Я сомневаюсь, что пациентка сможет обойтись без посторонней помощи, она практически ничего не знает об окружающем мире. Но и в психиатрической лечебнице ей делать нечего. Полагаю, лучшим решением для нее стал бы институт профессора Вайнштейна. Лев Маркович занимается как раз такими сложными случаями. Расстройство памяти, деперсонализация...

День получился насыщенным. 3-я Градская больница, Особое бюро, городское полицейское управление, Шлисельбургская академия, Сыскной приказ. Телефонные разговоры, личные встречи, чтение документов — прото-

колы, показания, экспертизы — и изучение вещественных доказательств. Однако к пяти часам пополудни Яков устранил практически все чреватые осложнениями проблемы, а также разногласия «заинтересованных сторон» и, главное, перевел «Дело о четырех телах в парке Шлиссельбургской академии» в разряд совершенно секретных, попутно изменив формулировку с «убийство двух и более лиц» на «смерть группы лиц вследствие несчастного случая» с подзаголовком «невыявленный природный феномен». Сделать это оказалось непросто, но Яков умел настоять на своем и как раз в пять часов по новгородскому времени получил от министра внутренних дел, который по старинке все еще именовался боярином Сыскного приказа, карт-бланш «черт знает на что». Дело облегчалось тем, что личности погибших по-прежнему оставались неустановленными, но уже было понятно, что это не политика, не шпионаж и даже не обыкновенное убийство. В деле не было состава преступления — во всяком случае, пока его обнаружить не удалось, — но ощущался значительный общественный интерес, который следовало принимать в расчет.

Получив в канцелярии министра все необходимые бумаги, Яков вернулся в Бюро и встретился наконец с профессором Лукомским, с которым до этого лишь дважды говорил по телефону. Лукомский к приезду Якова как раз завершил трехчасовое исследование вещественных доказательств и был готов ознакомить столоначальника с некоторыми предварительными выводами.

— Кроем платья похожи на венецианские или флорентийские, третьего — начала четвертого десятилетий восемнадцатого века, — сообщил профессор, поправив пенсне, — но с нетипичной формой рукавов, а вышивка на костюме мужчины скорее парижская. Украшения же, вероятно, франкские и флорентийские семнадцатого века... И вот еще что. Шелк, на мой взгляд, аутентичный, миланского производства, и это более чем странно. Ткац-

кие фабрики в Милане, насколько я помню, закрыли еще в середине прошлого века, а эти образцы выглядят совершенно новыми. Я, разумеется, не эксперт, господин Свев, но, по-моему, все это, — профессор обвел рукой разложенные на столах платья и другие детали женского и мужского туалета, — сшито не так давно, из недавно произведенных тканей...

Потом профессор перешел к частностям, то есть к типу использованных при шитье ниток, ниточному соединению деталей, фурнитуре, золотому и серебряному шитью, рисункам на ткани, характерным особенностям нижнего белья и прочим подробностям, на обсуждение которых ушло чуть ли не полтора часа. Разумеется, все это было более чем любопытно, но основные выводы Яков сделал еще в начале беседы и продолжал общение с Лукомским из одной лишь вежливости. Между тем наступил вечер, и оттягивать далее посещение «единственной выжившей в инциденте» стало уже невозможно. Поэтому Яков аккуратно — чтобы, не дай бог, не обидеть уважаемого профессора, — завершил обмен мнениями и, взяв с Лукомского подписку о неразглашении, проводил старика не только до дверей столоначальства, но и до выхода из здания, в котором квартировало Особое бюро.

Здесь, в фойе, Якова ненадолго задержал Орест Олегович Куприянов — такой же по рангу дознаватель и столоначальник, как и Свев, вот только занимался Куприянов политическим сыском, а это, как известно, всегда *совсем не то, чем кажется*. Встреча их выглядела случайностью, но знать этого наверняка было нельзя. «Политические» всегда себе на уме, и к тому же при равенстве званий имеют некое, нигде и никогда не зафиксированное письменно, но всем известное преимущество.

— Что там за история в парке Академии? — спросил Куприянов как бы между прочим, успев перед этим обсудить со Свевом пару-другую вопросов, представлявших взаимный интерес.

— Дерьмовое дело, — скривился Яков. — «Детки» устроили бал-маскарад с марафетом и траванулись какой-то гадостью. Сейчас устанавливаем личности и пытаемся выяснить, что за дрянь они употребляли. Состав преступления вроде нет, но трупы-то есть... Так что придется попотеть. Но тебя, Орест Олегович, случай этот не должен тревожить. Ни национал-социалистов, ни, не к ночи будь помянуты, политических нигилистов или коммунистов-максималистов в деле нет. Аполитичное самоубийство по глупости, и ничего больше.

— Ну-ну, — добродушно покивал Куприянов. — Нет — и не надо. Ты, кстати, предупреди своих, в ближайшее время возможны экссы социалистов-революционеров. «Товарищи» нацелились на банки и кредитные общества. Они вооружены и настроены решительно. Может пролиться кровь.

На том и расстались, вежливо раскланявшись и пожелав друг другу приятного вечера и хороших выходных, но у Якова от разговора с Куприяновым остался неприятный осадок. Бог его знает, «политика»: то ли ему что-то известно и он в связи с этим затевает свои интриги, то ли просто по обыкновению всех «охранителей» наводит для важности тень на плетень. Тем более досадным представлялось то, что разговор этот отнял у Якова совершенно не запланированные четверть часа, и в результате до больницы, учитывая также необходимость купить «найденышу» гостинцы — все-таки девушка застряла на больничной койке, — Яков добрался только в девятом часу вечера, когда время для посещений уже истекло. Впрочем, его к пациентке все-таки пропустили, потому что ни у кого из персонала больницы просто не набралось достаточно мужества, чтобы отправить восвояси грозного начальника убойного стола.

— Добрый вечер, госпожа Ринхольф! — поздоровался Яков, входя в палату.

Разумеется, он прежде постучал. Дождался разрешения войти и вошел. «Найденыш», одетая в больничную рубаху и халат и закутанная в два одеяла, сидела в кресле и пила чай с Полиной Берг. Выглядела она плохо. И это даже по сравнению с тем, какой она была утром, когда считалась «мертвым телом». Черные волосы потеряли блеск, снежно-белая кожа приобрела какой-то тусклый зеленовато-серый оттенок, поблекли губы, и только глаза, ставшие, казалось, еще больше на враз осунувшемся лице, напоминали о том, какой красавицей она была еще утром, когда Яков нес ее на руках. Не замерзнув в легком платье ночью на снегу, сейчас в жарко натопленной комнате она едва сдерживала себя, чтобы не стучать зубами.

«Отходит от шока? — прикинул Яков, видевший такое на фронте, и не раз. — Или, наоборот, *нырнула в омут?*..»

— Ринхольф?.. — подняла девушка взгляд. — Меня зовут Ринхольф? Это мое имя?

— Вообще-то я полагал, что это фамилия, — растерялся Яков, совершенно не представлявший, что у немцев могут быть такие вычурные имена, но вспомнивший сейчас, по случаю, что и такие имена у германцев тоже встречаются.

— С чего вы взяли? — Глаза у женщины были огромные, синие с голубоватым белком, и имели необычный, но невероятно привлекательный разрез.

— Вы так назвались, сударыня, — объяснил Яков. — Я спросил, как вас зовут, и вы ответили. Сказали: Альв Ринхольф.

— Не помню, — поморщилась «найденыйш». — Но если я так сказала, наверное, так и есть. А вы тот мужчина, который нес меня на руках?

— Помните?

— Смутно, — покачала она головой. — Извините!

— Не за что! — улыбнулся успевший взять себя в руки Яков. — Кстати, я не представился. Яков Свев, к вашим услугам!

— Свев? — Женщина по-прежнему смотрела ему прямо в глаза, прямо-таки гипнотизировала темной синью своих глаз. — У вас не славянская фамилия, ведь так?

Ну что сказать? Так все и обстояло. В Себерии имелось некоторое количество семей, ведущих свое происхождение от наемников-викингов, поселившихся в одиннадцатом веке в устье Невы. Сवेвы, Норны, Юты, Фюн и Нюрн. Когда-то их было больше, но на пути из прошлого в будущее большинство иностранных фамилий пресеклось. Последними исчезли лет сорок назад Гюннеры. Умер, не оставив потомства, генерал Петр Зосимович Гюннер, и все. Однако сейчас Якова заботили не преданья старины глубокой, а изменившийся цвет глаз Альв Ринхольф. Утром ее глаза были прозрачно-голубыми, сейчас — кобальтово-синими. Возможно, пустяк. Эффект освещения или еще что, но могло стать, что это не так. Тем не менее на вопрос девушки он ответил.

— Да, — кивнул Яков. — Скорее всего, это прозвище моего предка-норманна. Но это давнее дело, сударыня, с тех пор прошло девять веков.

— Так вы, Яков, дворянин? Аристократ?

— Я новгородец, — усмехнулся Яков, — а в Новгороде или, по-нынешнему, в Себерии дворян как таковых нет. Есть, конечно, несколько княжеских родов. Например, князья Ижорские, и еще иностранные, по большей части европейские, дворянские роды. Вот, к слову, золовка у Полины Андреевны — баронесса фон дер Браге. Но с ней точно так же, как и со мной: род старый, из Дании, но давно обрусевший. Так что фамилия в большинстве случаев к этнической принадлежности — тем более к культурной принадлежности — отношения не имеет.

— Это вы меня нашли? — неожиданно сменила тему женщина. Голос у нее был слабый, с хрипотцой. Больной голос.

— Нет, сударыня, — покачал головой Яков, — вас нашли полицейские. Я приехал позже. Да, вот кстати! Со всем забыл. Это вам! — И он протянул ей пакет с гостинцами. — Тут, собственно, всякая ерунда... — добавил он, когда Полина Берг забрала у него апельсины и шоколад.

Апельсины были из Марокко и пахли совершенно восхитительно, а шоколад был местный, себерский, но, по мнению практически всех знакомых Якову женщин, если и уступал бернскому, то совсем немного.

— Спасибо, — поблагодарила Альв и даже попробовала улыбнуться, но ничего путного из этой затеи не вышло. — Я люблю апельсины. Это ведь апельсины, я права?

— Вы правы, — улыбнулась Полина Берг. — Очистить вам один?

— Нет, не надо, — чуть повела головой «найденыш». — Я просто хочу его понюхать...

Она взяла апельсин из рук доктора Берг и поднесла к носу. Похоже, запах цитрусовых ей действительно нравился. Она даже зажмурилась от удовольствия.

— Как хорошо!

Но хорошо или нет, ничего интересного из короткого разговора с Альв Яков не вынес. Девушка чувствовала себя плохо и, вероятно, поэтому была не склонна к долгой беседе. Яков лишь сумел убедиться в справедливости слов Полины Берг: «Найденыш» вела себя на редкость сдержанно и была вполне адекватна. Устойчивость ее психики к стрессу казалась просто поразительной, и, если не вдаваться в подробности, она отлично скрывала свою практически тотальную амнезию. Вот и все, что удалось узнать Якову тем вечером.

Суббота, одиннадцатое марта 1933 года

Ночь с пятницы на субботу Яков провел в раздумьях. Не то чтобы он не спал вовсе, но и не думать о сложившейся ситуации не получалось. Вообще-то колебания «на пустом месте» были для него не характерны, тем более в этом случае. Ему просто нечего было обдумывать — Яков знал правду практически с первого момента. Ну, пусть не знал наверняка, но уж точно догадывался, каким, в конце концов, окажется ответ. Оставалось лишь решить, что теперь со всем этим делать, но вот это у него как раз и не выходило. Он просто не знал, на что теперь решиться.

И все-таки ночь — какой бы мучительной она ни оказалась — не прошла даром. Осела муть, и появилась какая-никакая ясность во всем, что касалось сложившейся ситуации. Поэтому, отменив забег, но зато выкупавшись в проруби, Яков направился в Бюро и два часа кряду обговаривал с адъюнктom Суржиным неотложные мероприятия, долженствующие обеспечить его превосходительству столоначальнику полную свободу действий. Ну и задницу прикрыть — обычное дело для чиновника его уровня — никогда не помешает.

В десять он вышел из здания Бюро и, взяв с открытой парковочной стоянки свой собственный «Кокорев-Командор», отправился в старый город на Вендский торг. Там на пересечении Красной и Одежной линий в чайной «Господин Великий Новгород» Яков заказал большую кружку соловецкого взвара¹ и, закурив сигару, приготовился ждать. Если Варвара назначила встречу в половине одиннадцатого, хорошо если придет в начале двенадцатого. Поэтому Яков, собственно, и выбрал чайную. Здесь тепло и сухо, и можно в тишине и покое выпить чего-ни-

¹ Несуществующий напиток, приготавливаемый моментальным ошпариванием свежих или свежемороженых ягод смородины, брусники, калины, морошки и клюквы крутым кипятком.

будь горячего — взвара, например, — выкурить сигару и, неторопливо обдумав свои планы, еще раз убедиться, что ввязываешься в чистой воды авантюру. Во что-то до ужаса напоминающее военные эзерсисы по ту сторону фронта, когда импровизируешь на ходу и думать не думаешь ни о последствиях, ни о цене. Следовало, однако, признать, что ни должность — столоначальник, ни звание — премьер-дознаватель, ничего, в сущности, в Якове за прошедшие годы не изменили. Как был рискованным парнем, так им и остался даже тогда, когда вошел в возраст Горбатого, как говорится, только могила исправит, но вот умирать Яков не собирался ни в коем случае. В особенности теперь, когда в его жизнь так стремительно и неординарно вошла таинственная Альв Ринхольф.

А Варвара пришла в одиннадцать двадцать семь. Не извинилась — с чего бы вдруг? — не объяснила причину опоздания, поскольку никогда ничего и никому не объясняла, хмыкнула, глянув «сучьим глазом» на пустую кружку из-под взвара и окурков сигары, усмехнулась и, сев напротив Якова, который даже не успел подвинуть ей из вежливости стул, закурила сама.

— Надеюсь, это не то, о чем я подумала. — Улыбка великосветской шлюхи и облачко сизого дыма, пропущенного через заворачивающий овал губ.

— Ну и о чем ты подумала? — Прошло то время, когда Варвара была способна его смутить, но, следует признать, в свое время она поглумилась над Яковым вволю, что, впрочем, того стоило: любила она так, что при воспоминании об их безумствах до сих пор дух захватывало.

— Подумала, соскучился.

— Есть немного, но ты зря надеялась.

— Тогда переходи к делу.

Вот так она умела тоже. Казалось бы, только что заигрывала, как последняя потаскуха, но с Варварой никогда

не знаешь, где кончается игра и начинается проза жизни. И это тоже факт.

— Вот посмотри. — Яков протянул ей четвертинку листа бумаги с тщательно выписанными размерами и списком необходимых вещей. — Надо бы одеть девушку.

— Маленькая...

— Да, некрупная.

— Что, и белье? — подняла бровь Варвара. — Ты что, Яшенька, в порыве страсти все тряпочки на ней порвал?

— Вроде того, — усмехнулся Яков. — Она в больнице сейчас, и, чтобы забрать ее оттуда, сначала надо во что-нибудь одеть. И это, Варвара, еще одна головная боль. У девушки амнезия, и я не уверен, что она вспомнит, как застегивается бюстгальтер...

— Час от часу не легче! — искренно удивилась Варвара. — А такое бывает?

— Не знаю, не врач, однако хочу взять ее на выходные к Труте. Так что нам нужно для нее практически все, включая «курс молодого бойца».

— А родные у юницы есть? Или она не только без памяти, но еще и сиротка?

— Иностранка, — коротко объявил Яков.

— Тянет тебя, Яша, на приключения... И откуда сия иноземная фемина, если не секрет?

— Откуда-то из неметчины, — пожал плечами Яков. — Скорее всего, из Баварии, но она и этого не помнит. Амнезия у нее, понимаешь ли. Редкая форма тяжелой амнезии. Так ты сможешь?

— Да, помогу, конечно, — пыхнула сигареткой Варвара. — Не бросать же бедную сиротку голой и босой! Дай только коньячку приму на грудь для сугреву, и пойдем в набег!

Стиль общения Варвары мог порой удивить, и многих в самом деле удивлял, однако Якова он просто восхищал.

По правде сказать, он в свое время не в одни только Варварины формы был влюблен, и не только лицом русской красавицы восхищался. Его заворожили тогда ее необычные повадки, оригинальные мысли, неординарное актерское мастерство. И, разумеется, естественность существования «в образе». Талант не пропьешь, как говорят в Сибири. И это тоже о Варваре: пила она много и со вкусом, но без коньяка, как утверждала сама Варвара, к ней не приходило вдохновение, и не писались стихи, а без поэзии она не могла жить, как не живут без воздуха. Без кислорода. Без стихов. Без мужиков. Без коньяка...

Глава 2

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

1. Суббота, одиннадцатое марта 1933 года

Альв удивила его снова. Когда в сопровождении Варвары она вышла из палаты, то выглядела, не в пример вчерашнему, просто замечательно. Она вроде бы даже поправилась на пару килограмм, не говоря уже о прочем. И глаза у нее вновь стали голубыми. Ясный спокойный взгляд прозрачно-голубых глаз, мягкая полуулыбка на полных чувственных губах, матовая белизна кожи, волнистые с живым блеском длинные волосы, завивающиеся на концах. И все это без макияжа, от которого Альв наотрез отказалась, и без ухищрений куафера, если не считать таковыми несколько движений простой щеткой для волос. Естественная, ничем не подправленная красота. И одежда, подобранная Варварой, сидела на «найденныше» так, словно специально для нее шилась. Элегантный шерстяной костюм — удлиненный блейзер, чем-то напоминающий флотский китель, и узкая юбка довольно смелого покроя, — шелковая блуза с галстуком, полусапожки, короткое пальто, шляпа и перчатки. И все это в оттенках от светло-серого до темно-серого, вот только блуза темно-синяя да сапожки из блестящей черной кожи. Вот и говори после этого, что ведьм не существует! Еще как существуют, и Варвара — одна из них. Ведь как смогла угадать с цветами, имея в распоряжении лишь косноязычное описание совершенно незнакомой ей женщины! Чертовщина, да и только!

— Схватывает на лету... — шепнула Варвара прямо в ухо Якова. — Но ты прав, дорогой, про бюстгальтер и пояс для чулок она напрочь забыла... А может быть, и не знала?

«Может быть», — кивнул мысленно Яков, но комментировать слова Варвары не стал.

На том и расстались.

— Куда вы меня берете? — спросила Альв, когда они остались вдвоем.

— Сначала предлагаю пообедать, — начал излагать свои планы Яков. — Затем совершим экскурсию по городу, а когда стемнеет, поедем в дом к моей сестре. Ее зовут Трута, и она пригласила нас в гости. У Труты вы и переночуете, а завтра утром подумаем, что делать дальше.

— У вас, Яков, нет своего дома? — Вопрос, казалось бы, уместный, но в то же время несколько странный.

Но, с другой стороны, все, что касалось Альв, было окрашено в цвета безумия. Молодая женщина, потерявшая память, но, судя по всему, не утратившая основных характеристик личности. Спокойная. Уверенная в себе. Не испытывающая, как кажется, и тени озабоченности относительно утраченной памяти или своего положения и статуса.

— У меня есть дом. — Яков подумал вдруг, что поведение Альв лишено притворства и все, что она делает, естественно и непротиворечиво. Во всяком случае, для нее самой.

— Почему тогда я останусь ночевать у вашей сестры?

— Потому что молодой женщине неприлично ночевать в доме холостого мужчины.

— Скажите, Яков, — голубые глаза смотрят на него снизу вверх, но отчего-то создается ощущение, что все обстоит с точностью до наоборот, — Варвара когда-нибудь ночевала в вашем доме?

Ну что ж, забыла она что-то или нет, в проницательности этой женщине не откажешь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Найденыш	5
<i>Глава 2.</i> Красавица и чудовище	32
<i>Глава 3.</i> Куда заводят благие намерения	54
<i>Глава 4.</i> Побег	76
<i>Глава 5.</i> На той стороне	100
<i>Глава 6.</i> Преданья старины глубокой	123
<i>Глава 7.</i> Старший из Ицштедов	146
<i>Глава 8.</i> Арбот Ицштед	173
<i>Глава 9.</i> Через Нижнюю Саксонию и Тюрингию	199
<i>Глава 10.</i> Тьма горьких истин	223
<i>Глава 11.</i> По прозвищу Свев	246